

УДК 81.362

«КАМЕРНЫЕ» ПАРЕМИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

© Н.А.Андримонова

В статье характеризуются приметы, которые не имеют статуса народных. Осуществляется их многомерная классификация и выявляются основные функции в рамках художественного текста.

Ключевые слова: «камерная» примета, дискурс, семантика, структура, функция.

Фразеология, выделившаяся в самостоятельную научную дисциплину в начале XX столетия, в настоящее время отличается существенными научными достижениями, солидными научными трудами и словарями разного ранга. Однако, оценивая роль фразеологии в межличностном коммуникативном пространстве, исследователи обратили внимание на то, что «сегодня, несмотря на рост удельного веса человеческого фактора в языкознании, меньше всего исследована <...> именно идиофразеология, т.е. фразеология индивидуального говорящего» [1: 175].

Понятие «камерности» по отношению к устойчивым фразам было введено В.Л.Архангельским [2] и нашло освещение в ряде исследований [см.: 3-5]. Так, Ю.В.Архангельская трактует как камерные «фразеологические инновации – индивидуально-авторские новообразования, употребляемые в пределах небольшого круга людей» [3: 119]. По мнению А.Л.Руднева, к «камерным» относятся фразеологизмы, «<...> имеющие субъективный характер и употребляющиеся в узком кругу лиц, в частности замкнутом в пределах одной семьи» [4: 75].

Считаем возможным данное понимание распространить и на паремии-приметы, которые имеют более узкое бытование и реализуются в сфере различных групп или получают индивидуальный характер. Подобные приметы реализуются в условиях неформальной коммуникации, в различных поведенческих ситуациях, они обычно не зафиксированы во фразеологии.

Показательно, что если сравнить два стихотворения А.С.Пушкина, посвященные приметам, то первое из них дает представление о народных приметах, связанных с состоянием погоды и с сельским трудом: 1. «*Так, если лебеди на лоне тихих вод, плескаясь вечером, окличут твой приход, иль солнце красное зайдет в печальны тучи, Знай, завтра сонных дев разбудит дождь ревучий, Иль бьющий в окна град*» (А.С.Пушкин «Приметы»). 2. Второе из стихотворений направлено на индивидуальное осмысление исходных ситуаций в аспекте придания им вторичной

знаковости – «*Я ехал к вам... И месяц с правой стороны сопровождал мой бег ретивый*», но на обратном пути – «*И месяц с левой стороны сопровождал меня уныло*» (А.С.Пушкин «Приметы»). Своеобразной личной приметой стало для А.Пушкина восприятие осени как прилива творческих сил, условия для написания произведений: «*Погода у нас портится, кажется, осень наступает не на шутку. Авось распишусь*» [6].

«Камерная» примета в художественном дискурсе становится одной из составляющих образа персонажа, его переживаний и ощущений. Она может, проявившись в начале произведения, получить свое воплощение в его окончании. Например, в романе «Анна Каренина» восприятие несчастья на вокзале при выходе из поезда со стороны Анны как «дурного предзнаменования» подтверждается, реализуясь в ее гибели под вагоном проходящего поезда: «*Вот смерть-то ужасная! – сказал какой-то господин, проходя мимо. – Говорят, на два куска*»; «*Каренина села в карету, и Степан Аркадьич с удивлением увидел, что губы ее дрожат и она с трудом удерживает слезы*». Ср. – «*Что с тобой, Анна? – спросил он, когда они отъехали несколько сажень – «Дурное предзнаменование, – сказала она*» (Л.Толстой «Анна Каренина»).

Данное предзнаменование проходит красной нитью через весь роман, обеспечивая его когнитивно-смысловую центрацию и коммуникативно-содержательную цельность через векторы ассоциаций.

Приметы как средство создания художественного образа персонажей – это наличие новых примет, переосмысление старых, известных, их дискурсивная наполненность и значимость для душевного состояния. Так, А.И.Солженицын, характеризуя Матрену, отмечает, что «<...> брали в ней верх суеверия: что на Ивана Постного в огород зайти нельзя – на будущий год урожай не будет; что если мятель крутит – значит кто-то где-то удавился, а дверью ногу прищемишь – быть гостю» (А.И.Солженицын «Матренин двор»).

Достаточно частотны приметы, связанные с видом занятий, профессиональной деятельностью, часть их них выходит в общенародный фонд, другая часть остается в сфере профессиональной деятельности или других занятий, увлечений: «За десять шагов до клетки Карла остановил сторож и сказал ему несколько слов на ухо. Это была дурная примета. Укротитель никогда не должен останавливаться ни на одну секунду, потому что зверь следит за ним глазами с самого выхода его из уборной» (А.И.Куприн «В зверинце»). Как следует из этого рассказа, дурная примета подтвердилась, для укротителя львов этот выход стал роковым.

Морские приметы также могут приобретать более частный характер, связываться с конкретными ситуациями на корабле: «Шторм бил в скулу миноносца, и ветер плавал в снастях <...>. Боцман был недоволен приметами – свист снастей, выход в море в понедельник и окурор, найденный на палубе, не предвещали добра» (К.Паустовский «Тост»).

Дифференцированный ряд примет, касающихся быта деревенского жителя, находим у А.И.Гончарова: «Быть покойнику, у меня кончик носа все чешется.

- Ах ты, господи! – всплеснув руками, сказала жена. – Покойник – когда переносье чешется.

- А что же значит, кончик носа-то чешется? – спросил сконфуженный Иван Иванович.

- В рюмку смотреть.

- Сбоку, – подхватила Пелагея Ивановна, – означает вести; брови чешутся – слезы, лоб – кланяться, с правой стороны – мужчине, с левой – чешется – женищине; уши зачесутся – значит к дождю, губы – целоваться, усы – гостинцы есть, локоть – на новом месте спать, подошвы – дорога <...>» (Гончаров «Обломов»).

Любопытно, что, характеризуя поведение, обычаи эзков, воровских кланов, особенности их речи, А.И.Солженицын говорит об их суеверной вере в лагерные приметы. Так, он пишет: «<...> эзки мистически ожидают (всегда безуспешно) первых чисел ноября и мая. Подует ли на Архипелаг южный ветер, тотчас шепчут с уха на ухо: «Наверно, будет Амнистия! Уже начинается!» Устанавливаются ли жестокие северные ветры – эзки согревают дыханием окоченевшие пальцы, трут уши, отаптываются и подбадривают друг друга: «Значит, будет Амнистия» (А.И.Солженицын «Архипелаг ГУЛАГ»).

Индивидуальные приметы могут быть связаны с необходимостью запомнить дорогу, найти нужный водоем, селение, не заплутаться в лесу. Иногда они фиксируются на «самодельной карте»: «<...> до Черного озера осталось еще во-

семь километров. На эту карту нанесены все приметы – сухая сосна у дороги, межевой столб, заросли бересклета, муравьиная куча, снова низинка, где цветут незабудки, а за ней сосна с вырезанной на коре буквой «Д» – озеро» (К.Паустовский «Золотая роза»).

Нередко представлены приметы, по которым тот или иной персонаж художественного произведения ориентируется во времени: «Профессор хорошо обходился без часов, своими собственными отметами времени <...> Он знал, что в три часа хрипылыми, мокрыми от сна голосами перекликаются петухи <...>, позднее, перед рассветом, начнут около домов чокать и посвистывать черные дрозды <...> в шесть – опять закричат, навстречу солнцу, уже совсем проснувшиеся, свежие, бодрые петухи. В шесть с четвертью пронесется, потрясая почву, первый поезд окружной дороги» (А.И.Куприн «Жанетта – принцесса четырех улиц»).

Своя примета появляется и в результате наблюдения над домашними животными, их поведением: «А как думаешь, будет дождь? Он, прищурившись, тоже поднял лицо кверху.

– Кабыть так. Маяго кобелька нынче что-то весь день не видать, весь день на гумне мышка. А это уж обязательно к дождю, она, мышшь-крыса усякая, перед дождем сильней пахнет» (И.А.Бунин «Божье древо»).

По справедливому замечанию К.Паустовского, очень «находить приметы или самим создавать их – увлекательное занятие <...> в приметах заключено много точного знания» (К.Паустовский «Мещерская сторона»).

Ситуативные приметы нередко оказываются пророческими: «<...> в субботу 16-го Сосновская, зажигая спиртовку, чтобы подвить себе челку, бросила в рассеянности спичку на подол своего легкого пеньюара, а пеньюар вспыхнул, и Сосновская дико закричала, сбрасывая, срывая его с себя, – вообще так испугалась, что слезла в постель, послала за доктором, а потом все твердила:

– Вот посмотрите, это к большой беде <...>» (И.А.Бунин «Дело корнета Елагина»).

Или: «А ведь неладно, барин...

- Что неладно.

- Да так, примета есть... Да вот цветы. В прошлом году азалии-то какие были: где-то цветочек завязался, а нынче так пукетами и прут. Так вот и тюльпаны, и нарциссы, и гиацинты! И оранжерея та же, и руки те же, а цветы другие, ну? По-нашему, это не к добру... И даже беда пришла совершенно нежданная» (Д.Н.Мамин-Сибиряк «Враг»).

Те или иные приметы могут вызывать неприятные предчувствия. Так, характеризуя Татьяну в «Евгении Онегине», А.С.Пушкин пишет: *«Ее тревожили приметы; Таинственно ей все предметы Провозглашали что-нибудь, Предчувствия теснили грудь»* (А.С.Пушкин «Евгений Онегин»).

Приметы, связанные с предчувствиями, возникают и в писательской работе, нередко стимулируют ее: *«Он даже знал теперь наверное, что она будет, эта удача. Знал по многим точным приметам – по свежести во всем теле, сдержанному своему волнению, по той особой зоркости, с какой он замечал сейчас и запоминал все вокруг, по нетерпимому желанию скорей добраться до этой незнакомого дачи, чтобы сесть в тишине за стол со стопкой чистой плотной бумаги <...>»* (К.Паустовский «Рождение рассказа»).

«Камерные» приметы не отличаются спецификой своего структурирования. Они обычно носят описательный характер, в них нередко отсутствуют показатели реляционных отношений, тем не менее просматриваются типичные для народных примет семантико-синтаксические отношения синкретичной природы (условно-временная и причинно-следственная детерминация составляющих). Чаще имеет место перечисление ряда ситуаций как основание для вывода об их вторичной значимости, о предсказании добрых/недобрых событий, при этом фиксируется клише – «что-то к чему-то» «к – д. – п. имени»: *«Я хоть глазами плохо вижу, а ухом слышу: дуб зашумел, дуба уже трогают на поляне... Это к буре»* (В.Г.Короленко «Лес шумит»). Или: *«Как только над краем темной земли начнет переливаться зеленым огнем блистающий Сириус. (Вы будете просыпаться... Это будет значить, что приближается пятый час утра»* (К.Паустовский «Великое племя рыболовов»).

Лексемы «знак», «значить», «признак», «предзнаменование» достаточно частотны при указании на события, ситуации в их развернутой подаче.

Случаи адекватного оформления народной и «камерной» приметы также имеют место: *«Подсак! Но подсак, конечно, не было. Режиссер нарочно забыл его дома, так у него была своя примета: если взять подсак, то ни за что не попадет крупная рыба»* (К.Паустовский «Несколько слов об ужении рыбы»).

По определению Э.Сепира, слово «обычай» употребляется применительно к целой совокупности схем поведения, опирающихся на традиции и закрепившихся в группе» [7: 656]. Если обычаям подчиняются, то в приметы верят. На-

родные обычаи суммируют и утверждают нормы поведения, они получают узуальный характер – так положено, принято, заведено, «исстари ведется», обычаи определяют «точку поведения» (А.И.Горшков).

«Камерные» обычаи нередко предстают как территориально закрепленные. Например: *«Он не знал местных обычаев <...> Балашов не знал, что мужчина, который пришел в избу к девушке и принес ей подарок, считается, если подарок принят, ее женихом»* (К.Паустовский «Кружевница Настя»).

Характеризуя нравы и обычаи Обломовки, Гончаров пишет: *«Гость там прежде троекратно потчевания и не дотронется ни до чего. Он очень хорошо знает, что однократное потчевание чаще включает в себе просьбу отказать от предлагаемого блюда или вина, не желая отведать его»* (И.А.Гончаров «Обломов»). Или: *«Поговорили о засухе, о том, что где-то, надо думать, в стороне Криуши – горит лес, об урожае, новостях из газеты, ярмарке в Клепиках, но ни слова о ночлеге и о том, кто мы такие. Об этом полагалось заводить расспросы не сразу, помедлив, – таков был нерушимый обычай в этих местах»* (К.Паустовский «Кордон»).

Приметы и обычаи, бытующие на определенной территории, нередко дополняются поверьями: *«Есть такое поверье <...> – будто этот цветок приносит девушкам счастливую любовь, а пожилым людям – спокойную старость. И вообще – счастье»* (К.Паустовский «Прирочная трава»); *«Кум угадал, действительно, Марфутка недаром разливалась в своем плаче – вечером же небо обложилось со всех сторон серыми низкими тучами, точно войлоком, и заморосил мелкий дождь «сеночной». – Сияние, в ихней стороне на свадьбе такие тени играют. Марфутка-то Черданская выходит, так к ненастью и тоскует <...>»* (Д.Н.Мамин-Сибиряк «Золотуха»).

Итак, «камерные» приметы, представляя «результаты размышлений и практики пытливого ума» [8], как и народные приметы, зафиксированные в словарях и справочниках, реализуют предзнаменования, предсказания, предчувствия группового и личностного характера, позволяющие строить прогнозы и учитывать их последствия.

Обращение к художественному дискурсу дает возможность выявить основные функции соответствующих примет, их значимость в раскрытии душевного мира персонажей, его дифференцированности и склонности к интеллектуальному верованию.

«Камерные» приметы выводят в сферу житейской мудрости и определенных знаний в уз-

ких профессиональных кругах или территориальных образованиях, чаще провинциального характера.

Об отнесенности этих примет к паремиологическому фонду свидетельствует их воспроизводимость и аналогичное с народными приметами семантико-синтаксическое моделирование. Этот пласт языкового творчества остается наименее изученным, хотя он охватывает разные сферы общения, что говорит о его востребованности социумом, в том числе современным.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ 12-14-16021а «Волжские земли в истории и культуре России (2012-2013)», проект «Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития».

*****

1. *Хлебда В.* Фразеология в межчеловеческом коммуникативном пространстве // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ, Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. – СПб, 2003. – С. 209 – 224.

2. *Архангельский В.Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1964. – 315 с.
3. *Архангельская Ю.В.* Фразеология в дискурсе Л.Н.Толстого. – Тула: Изд-во Тульского гос. пед. университета им. Л.Н.Толстого, 2008. – 210 с.
4. *Руднев А.П.* О понятии «камерная фразеология» (на материале фразеологии семьи Л.Н.Толстого) // Проблемы русской фразеологии. – Тула: Изд-во Тульского пед. института им. Л.Н.Толстого, 1979. – С. 75 – 82.
5. *Ренская Т.В.* Камерная фразеология в романе Л.Н.Толстого «Война и мир» // Особенности языка и стиля Л.Н.Толстого. – Тула: Изд-во Тульского гос. пед. института им. Л.Н.Толстого, 1990. – С. 37 – 43.
6. *Андрамонова Н.А.* Семантика предсказания в языке произведений А.С.Пушкина // Уч. зап. Казанского гос. ун-та. – Т. 136. – Казань: Унипресс, 1998. – С. 159 – 165.
7. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.
8. *Крушевский Н.В.* Заговоры как вид русской народной поэзии // Варшавские университетские известия. – № 3. – Варшава, 1876. – С. 3 – 69.

"CHAMBER" PROVERBS IN LITERARY DISCOURSE

N.A.Andramonova

The article explores the omens that do not have the status of being folk. Their multi-dimensional classification is presented and the main functions within literary text are identified.

Key words: "chamber" omen, discourse, semantics, structure, function.

*****

Андрамонова Наталия Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики преподавания Института филологии и искусств Казанского федерального университета.

E-mail: kaf_rus@mail.ru

Поступила в редакцию 03.03.2013